

Астанина Елена Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры отечественной
и всеобщей истории
Тихоокеанского государственного университета

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ДЕРЕВНЯ
НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
В КОНЦЕ 1920-Х ГГ.**

Аннотация:

Научный интерес со стороны отечественных исследователей истории советской деревни и социалистической реконструкции сельского хозяйства в последнее десятилетие обращен на региональный аспект этого вопроса. В статье на основе архивных материалов и опубликованных источников рассматривается проблема взаимоотношения советской власти и крестьянства на примере дальневосточной деревни конца 1920-х гг. Освещаются социальные проблемы села на Дальнем Востоке и положение крестьянства на начальном этапе колхозного строительства. Стремление сельских жителей улучшить свои бытовые и материальные условия, а также их реакция на политические кампании советской власти показаны на примере перевыборов сельсоветов и проведения хлебозаготовок. Делается вывод о крайней неоднородности политических настроений, наличии критических оценок среди широких слоев крестьянства – от беспартийных до работников низовых партийных и государственных органов.

Ключевые слова:

выборы сельских советов, Дальний Восток, дальневосточная деревня, коллективизация, крестьянство, политические кампании, социальная политика, хлебозаготовки

Astanina Elena Anatolyevna

PhD in History,
Associate Professor,
Russian and World History Department,
Pacific National University

**FAR EASTERN VILLAGE
AT THE INITIAL STAGE
OF COLLECTIVIZATION
IN THE LATE 1920S**

Summary:

Scientific interest of the Russian researchers of the Soviet village history and the socialist reconstruction of agriculture in the last decade focuses on the regional aspect of this issue. On the basis of archival materials and published sources, the study examines the problem of the relationship between the Soviet government and the peasantry on the example of the Far Eastern village in the late 1920s. The paper covers the social problems of the Far Eastern villages and the situation of the peasantry at the initial stage of the collective farm development. The desire of rural residents to improve their living and material conditions, as well as their reaction to the political campaigns of the Soviet government, is shown on the example of re-elections of village councils and grain procurements. The conclusion is made about the extreme heterogeneity of peasants' political moods, the presence of critical assessments among wide segments of the peasantry, ranging from non-party people to employees of the party and state bodies at the lowest level.

Keywords:

village council elections, Far East, Far Eastern village, collectivization, peasants, political campaigns, social policy, grain procurements

Конец 1920-х гг. совпал с крупными преобразованиями в области народного хозяйства. Знаковым в жизни российской деревни стал взятый на XV съезде ВКП (б) в декабре 1927 г. курс на коллективизацию, который должен был обеспечить экономическое развитие страны для преодоления отставания от капиталистических государств. С завершением Гражданской войны и установлением советской власти на Дальнем Востоке развитие края проходило в русле общегосударственной линии, в связи с чем он также стал площадкой для советского эксперимента. Особый научный интерес в рамках российской региональной истории представляет рассмотрение дальневосточной деревни накануне сплошной коллективизации. Обращение к социально-экономическим условиям жизни крестьянства Дальнего Востока и его политическим настроениям, оценкам деятельности местных государственных и партийных органов накануне сплошной коллективизации позволяет дополнить разработку проблемы взаимоотношения власти и общества в Советском государстве.

Историки советского периода обширно осветили положение советской деревни, политику коллективизации, ее значение в формировании советской экономической системы, а также роль партийных и комсомольских организаций в проведении политических кампаний. В научных публикациях исследователей, в том числе дальневосточных, таких как И.К. Верба, В.Н. Калинина, Т.А. Лебединская, А.З. Морозов, А.Ф. Чичерина, П.Х. Чаусов, Н.П. Шишко и других [1], акцентировалось внимание на положительных моментах политики колхозного строительства, которая в результате обеспечила модернизацию народного хозяйства и позволила стране создать широкий

комплекс оборонной промышленности накануне Великой Отечественной войны. Особое внимание уделялось классовой направленности политики по кооперированию крестьян в коллективные хозяйства, не допускающей компромисса на пути достижения поставленной цели.

Начиная с 1990-х гг. в работах Н.А. Ивницкого, В.П. Данилова, И.Е. Зеленина, В.Г. Косачева, М.М. Кудюкиной, Л.Е. Файна, Э.М. Щагина [2], а также зарубежных специалистов Л. Виолы, Ш. Фицпатрик, К. Кур-Королев и других [3] наблюдается пересмотр советской трактовки политики ВКП (б) в деревне периода коллективизации. Публикации 2000-х гг. И.Е. Зеленина, А.А. Панарина, Ю.А. Стецеры, В.А. Ипполитова [4], в том числе дальневосточных историков У.М. Андриец, Е.М. Ермезиной, А.А. Исаева, В.Н. Караман, Л.И. Проскуриной [5], свидетельствуют о дальнейшей разработке истории советской деревни.

Успешная реализация социалистической модернизации деревни во многом зависела от отношения к ней сельских жителей и работы партийных и государственных органов исполнительной власти на местах. В Дальневосточном крае (ДВК), как и в целом по стране, большая роль в вопросах поддержки кампаний, проводимых в деревне по организации колхозного строительства и агитации за него, отводилась местным партийным и комсомольским организациям, а также городским шефским обществам.

В вопросе формирования опоры советской власти в деревне партийные организации края, как и других регионов, основной упор делали на бедняцко-батрацкие слои и их союз с середняком. Путем создания фондов бедноты, организации политических и хозяйственных кампаний по пере-выборам советов, кооперации, проведению посевных и уборочных работ, распространению госзаимов местные органы власти пытались заручиться поддержкой этой категории крестьян. Культурно-просветительная работа, которая возлагалась преимущественно на районные и областные комсомольские организации, должна была способствовать росту политической грамотности дальневосточного крестьянства и обеспечить выполнение задач поставленного партией курса. Однако, как свидетельствуют документальные материалы, призывы участвовать в политических кампаниях, переходить на новые формы землепользования и вступать в колхозы не вызывали энтузиазма у подавляющей части сельского населения. Обусловливалось это в большей степени особым положением дальневосточного региона: удаленностью от центра, поздней советизацией, сравнительно высоким процентом крепких крестьянских хозяйств (по стране – 5 %, по ДВК – 9 %) и использования наемного труда батраков (по стране на 100 хозяйств – 4 батрака, по ДВК – 6–7 чел.), пограничным режимом, который способствовал распространению антисоветских настроений [6].

Другая немаловажная причина заключалась в неудовлетворительной работе непосредственных проводников политики большевистской партии, что подтверждают сводки Информационного отдела ЦК ВКП (б). В закрытом письме Далькрайкома ВКП (б) 1928 г. отмечено непонимание рядом районных исполнительных и партийных комитетов политики советской власти в отношении бедноты. В качестве причин отсутствия работы приводились следующие объяснения: «Работу с беднотой вести не нужно, так как беднота осередничилась» (Владивостокский округ), «Особые условия округа» (Николаевский на Амуре округ), «Земельных переделов проводить до полного социализма не нужно, бедняки – лодыри, получив хорошую землю, они все равно ее ухудшат и через несколько лет снова будут требовать переделов», «В селе нет бедняков, есть типы» (Читинский округ) [7]. Отчетные доклады райкомов ВЛКСМ по ДВК за 1927–1929 гг. свидетельствуют о слабой работе сельских комсомольских ячеек среди бедноты («Бедняки – лодыри») и батраков («Что с этими пастушками делать?»), а также недостаточном внимании к политико-просветительному направлению и пропаганде преимуществ ведения коллективных хозяйств [8].

Удельный вес социалистического сектора в сельском хозяйстве ДВК к концу 1920-х гг. составлял 7,9 % (колхозы – 6,5 %, совхозы – 1,4 %), в то время как доля единоличных хозяйств достигала 92,1 %. [9]. Учитывая добровольный характер вступления в колхозы, которого придерживалось советское руководство в рассматриваемый период, крестьянство не спешило следовать призыву партии, стремясь в первую очередь укрепить свое хозяйство, ориентируясь на индивидуальные социально-бытовые нужды. Немалую долю среди этой категории сельского населения составляли члены партии и комсомола.

В вопросе освещения потребностей дальневосточных крестьян особый интерес представляют материалы совещания с делегатами, которые представляли крестьянство, II Краевого съезда Советов, состоявшегося в марте 1927 г. Жители села Таскино Мазановского района Амурского округа в составленном съезду наказе заострили внимание на слабой работе в области здравоохранения и образования. В частности, акцент был сделан на необходимость усилить материальную помощь учебниками сельским школам, увеличить количество школ-семилеток, а также обратить внимание на положение в районах врачебных пунктов и медицинского персонала [10].

На эти два направления работы в деревне были направлены и обращения со стороны делегатов от других округов ДВК. Слабая медицинская помощь, трудности в работе по линии

охраны материнства и младенчества, отсутствие акушерок, нехватка детских яслей были отмечены представителем Каримского районного исполнительного комитета Читинского округа. Особую тревогу, по мнению делегата, представляли обращения крестьянок «к бабкам, которые качают детей и матерей», острая нехватка детских учреждений в сельской местности и большое число беспризорных детей [11]. Об отсутствии медицинской помощи было заявлено делегатами от Ивановского и Шмаковского районов Владивостокского округа. Нехватка больниц и фельдшерских пунктов, плохая работа больниц при колхозах и техникумах крестьян отмечались участниками съезда в качестве причин недоверия к советской власти со стороны крестьянства [12].

Представитель от Шмаковского района обратил внимание на тяжелое положение приморских деревень «накануне развала» бедняцких и середняцких хозяйств. В особенно плачевной ситуации, по мнению делегата, оказались дети, которые по причине бедности, нехватки одежды и обуви не имеют возможности получать образование, «растут дикими и беспризорными». Проблема беспризорности была поддержана и участниками совещания от Читинского округа, отметившими отсутствие какого-либо надзора за этой категорией детей [13].

Необходимо отметить, что Дальневосточный краевой отдел здравоохранения (Далькрайздрав) признавал недостаточное количество лечебных учреждений, медицинского персонала и медикаментов. Кроме того, руководству было известно, что ни в одном округе края не было организовано лечебной сети, которая бы соответствовала общепринятому радиусу врачебного участка или установленному количеству жителей на больничную койку (1 койка на 500 чел.). Особенно тяжело обстояло дело в Зейском и Сретенском округах, где на 1 койку приходилось до 4 тыс. чел. [14]. Причина сложившегося положения объяснялась нехваткой средств, а сама проблема объявлялась долгосрочной, на решение которой требовалось не менее 10–15 лет.

Особенно незащищенной оказалась категория детей. Не случайно они фигурируют в качестве объекта особого внимания в многочисленных документах Далькрайисполкома Советов (ДКИК). Согласно материалам отдела здравоохранения ДКИК, в 1928–1929 г. в крае насчитывалось 24 детских врача. В четырех округах ДВК (Николаевском, Сахалинском, Камчатском, Зейском) их не было, а в пяти округах (Владивостокском, Хабаровском, Амурском, Читинском, Сретенском) сеть их была весьма незначительной и обслуживала лишь детей окружных городов [15].

В связи с необходимостью задействовать в сельскохозяйственных работах все трудоспособное население стали проводиться так называемые ясельные сельские кампании. Согласно Далькрайздраву, в ходе таких кампаний на 1927 г. по Дальнему Востоку было организовано 114 яслей: Владивостокский округ – 49, Хабаровский – 22, Читинский – 14, Благовещенский – 12, Зейский – 4, Сретенский – 6, Николаевский – 4, Камчатский – 2, Сахалинский – 1. Официально было заявлено о том, что «сельские ясли пробили брешь, в деревне сейчас нет ни одной такой отрасли культурного строительства, где бы активность крестьян была проявлена в такой мере, как в организации и работе сельских яслей» [16]. Однако уже спустя три года отдел здравоохранения констатировал их острую нехватку: «В период посевных работ, посевных и уборочных кампаний на 1 ясли в 30 мест – 418 детей, и вне яслей, таким образом, остается 92,8 % детского населения» [17].

Крестьянские делегаты съезда отразили насущные проблемы, которые в целом были свойственны российской деревне и в предшествующий период ее истории. Однако новое значение для делегатов приобрела проблема беспризорности. Внимание к борьбе с беспризорностью со стороны советской власти было обращено еще в первые годы ее существования, когда начали создавать сеть специализированных государственных органов, призванную решить вопрос по надзору за детьми. В ДВК подобная работа проходила с опозданием в среднем на пять лет, поэтому быстрые результаты по решению этой проблемы были невозможны.

Зимой 1927 г. Президиум ДКИК, отметив отсутствие плана по борьбе с детской беспризорностью, принял решение о строительстве сети вспомогательных учреждений и их материальном и медицинском обеспечении. Воспитанники таких учреждений должны были быть обеспечены школьным обучением и воспитанием [18]. Решение было продиктовано сложной обстановкой с беспризорностью в крае, а также принятым 10 января 1927 г. циркуляром ВЦИК.

По данным на 1 декабря 1928 г. в крае действовало 19 детских учреждений в городах и пригородах (данные по 8 округам, кроме Николаевского), которые охватывали 1 758 воспитанников. Это были только зарегистрированные дети. Педагогический состав насчитывал всего 114 чел. По количеству воспитанников таких учреждений на первом месте находился Владивостокский округ (46,2 %), затем Амурский (24,5 %), Читинский (19,3 %) и Хабаровский (10 %) [19].

Таким образом, вследствие объективных причин социально-экономического развития региона проведение мероприятий по социальной поддержке дальневосточной деревни было крайне затруднительным. Четко проработанной социальной программы, которая бы учитывала реальные нужды сельского населения, в конце 1920-х гг. не было. Государственная политика в деревне была подчинена в соответствии с задачами, поставленными партией, основному требованию времени – привлечению трудоспособного населения к активному участию в проведении новых политических акций и кампаний в рамках провозглашенного курса на колхозное строительство.

О крайней неоднородности отношения к политике советской власти со стороны сельских жителей свидетельствуют кампании по перевыборам сельсоветов и проведению хлебозаготовок. Согласно официальным заявлениям со стороны Далькрайисполкома, перевыборы в сельсоветы края в 1927 г. показали высокую политическую активность бедняцких слоев [20], а также сплоченность середняков и бедняков, что не позволило «зажиточно-кулацкой части деревни» добиться успеха в кампании [21].

Материалы информационных сводок Отдела информации и политического контроля ОГПУ иллюстрируют другую сторону проводимых выборов – картину социального размежевания в дальневосточной деревне. Для представителей крепких (зажиточных) хозяйств были характерны настроения ярко выраженной антисоветской направленности, которые проявлялись в выдвижении таких лозунгов, как «Советы без коммунистов и комсомольцев» (Харьковка и Екатеринославка Завитинского района Амурского округа), агитации против бедняцкого состава сельских советов (Новая Бельмановка Ханкайского района Владивостокского округа), а также срывах выборов (Георгиевка и Павленково Некрасовского района Хабаровского округа) [22].

Подобные лозунги и агитация объяснялись незнанием со стороны коммунистов реалий повседневной жизни крестьянина, отсутствием помощи в налаживании сельского быта, а также усилением налоговой политики. В качестве противопоставления поддерживаемому советской властью колхозу выдвигался образ крепкого крестьянского хозяйства, которое сумеет обеспечить интересы крестьян. Последнее обстоятельство убеждало середняков и бедняков присоединиться к зажиточным крестьянам.

Критика бедняцкого состава сельсоветов зачастую была оправдана, что подтверждали крестьянские требования организации так называемого смотра бедноты, чтобы выявить среди «настоящей бедноты», которая действительно стремится к поднятию своих хозяйств, так называемую «примазывающую бедноту» в виде «лентяев и затесавшихся» [23].

Рост социальной напряженности, с одной стороны, и политической активности, с другой, свидетельствовали об отсутствии единодушно положительного отношения в среде крестьянства к политике советской власти. В ходе перевыборных кампаний за 1927 г. было зарегистрировано порядка 70 групп по краю, которые помимо попыток занять места в низовых советских аппаратах выступали против землеустройства, налоговой политики и политико-просветительной работы в деревне [24].

Хлебозаготовительный кризис 1927–1928 гг. и анализ хода кампаний по хлебозаготовкам в 1927–1929 гг. способствовали еще большему размежеванию дальневосточного крестьянства. Отказ продавать зерно по низким закупочным ценам, которые были предложены государством, привел к использованию методов внеэкономического принуждения жителей деревни – изъятию денег с помощью ускорения сроков всех выплат по налогам, кредитным обязательствам, страхованию и семейным ссудам. Подобные меры, так же как и объявленный властями лозунг обострения классовой борьбы, должны были вынудить крестьян продавать хлеб государству [25].

Со стороны центральных и местных органов проводимая политика объяснялась опасностью повышения цен на промтовары и серьезными последствиями для сельского хозяйства, которые спровоцируют прекращение экспорта зерна, если увеличить закупочные цены [26]. Однако крестьяне, чтобы иметь возможность выплатить налоги, пошли на продажу зерна скупщикам и спекулянтам, а не государственным заготовительным предприятиям, что вызывало сокращение хлебных поставок.

В условиях хлебозаготовительных кризисов положение в деревне еще более осложнилось. Директива ЦК ВКП (б) местным парторганизациям «О хлебозаготовках» от 5 января 1928 г. открыто разрешала применять жесткие меры при взыскании недоимок, вплоть до судебной ответственности. Объектом таких мер объявлялись кулацкие хозяйства, но зачастую становились и середняки. В результате административных перегибов усиливалась волна критики, имели место выступления против хлебозаготовок, а также случаи избиения и угроз по отношению к лицам, отвечающим за проведение кампании в Читинском, Зейском и Сретенском округах [27]. В Амурском округе отказ выдавать хлеб мотивировался ожиданием помощи из-за рубежа, что свидетельствовало о распространённом среди части крестьян мнении о недолговечности советской власти [28]. Анализ состава участников выступлений показывает, что подобная реакция была характерна для всех слоев крестьянства – от зажиточных до бедняков.

Низкими оказались и показатели хлебозаготовок по краю – 67 % от плана на 1928 г. Амурский округ, который считался основным сельскохозяйственным районом, в 1928 г. выполнил план только на 15 %, а Приморье – на 21 % [29]. Социальной напряженности в деревне также способствовали частые недороды зерновых. Особенно тяжелая обстановка сложилась летом 1929 г., когда Амурский, Сретенский, Владивостокский и Читинский округа наиболее пострадали от неурожая. Острая нехватка хлеба приводила к заболеваниям и смерти детей и взрослых из-за голода и употребления суррогатов пищи. Положение усугублял массовый падеж скота [30].

На фоне обострения обстановки шло дальнейшее ужесточение мер со стороны властей, о чем свидетельствует увеличение количества судебных процессов в отношении крестьян, к которым применялись штрафы, конфискация имущества, принудительные работы и ссылка. Симптоматичным было наличие дел о должностных преступлениях в сельсоветах и комиссиях содействия хлебозаготовкам, когда осужденными становились лица, обеспечивающие проведение кампаний. Со стороны ряда членов сельских партийных и комсомольских ячеек, в большинстве своем имеющих крестьянское происхождение, наблюдалось непонимание партийной политики, что приводило к кампанейскому характеру проводимой работы вплоть до ее саботажа [31]. Заявления о том, что собственное хозяйство в дорожке хлебозаготовок, были не единичными и отражали реальные настроения сельских жителей Дальнего Востока.

Конец 1920-х гг. для дальневосточной деревни явился переломным этапом, предопределившим ее место в экономической системе Советского государства. Социально-экономическое развитие ДВК шло в русле общегосударственной политики, обеспечение которой было возложено на местные исполнительные и партийно-политические органы. Решение социальных запросов крестьянства проходило по принципу остаточного финансирования, отойдя на второй план перед задачей модернизации народного хозяйства, на которую были брошены все силы и средства. Ставка была сделана на бедняцкие и маломощные хозяйства, однако документальные материалы свидетельствуют о неоднозначной оценке политики советской власти в среде дальневосточного крестьянства, в том числе и этой категории. Исторически сложившиеся особенности развития края обуславливали крайне осторожные взгляды сельских жителей на происходившие в стране перемены. Озабоченные налаживанием собственного быта и нуждавшиеся в удовлетворении индивидуальных потребностей, они с опаской и недоверием относились к государственным нововведениям. Оказывая сопротивление проведению хлебозаготовительных кампаний как пассивное, так и активное сопротивление с началом административного нажима и жесткого контроля, дальневосточное крестьянство оказалось не подготовленным к коренной ломке крестьянского уклада, связанного со следующим этапом социалистической реконструкции деревни – сплошной коллективизацией.

Ссылки:

1. Вербя И.К. Участие комсомола Дальнего Востока в социалистическом преобразовании сельского хозяйства (1928–1930 гг.) // Материалы VI научно-технической конференции общественных наук. Хабаровск, 1968. С. 31–41; Калинина В.Н. Деятельность Дальневосточной краевой партийной организации по коллективизации сельского хозяйства и укреплению колхозного строя (1929–1937 гг.) // КПСС – организатор претворения в жизнь ленинских идей коммунистического строительства на Дальнем Востоке. Владивосток, 1971. С. 175–186; Лебединская Т.А. Из истории комсомольского «похода за урожай и коллективизацию» на Дальнем Востоке (1929 г.) // Ученые записки Благовещенского педагогического института. Благовещенск, 1971. Т. 15. С. 42–61; Морозов А.З. Деятельность Дальневосточной партийной организации по созданию условий массовой коллективизации (1927–1929 гг.) // КПСС – организатор претворения в жизнь ленинских идей коммунистического строительства на Дальнем Востоке. Владивосток, 1971. С. 202–215; Чаусов П.Х. К вопросу о социально-экономическом положении дальневосточной деревни накануне массовой коллективизации // Материалы II Дальневосточной межвузовской научной конференции по истории советского Дальнего Востока, посвященной 50-летию Советской власти. Хабаровск, 1967. С. 100–106; Чичерина А.Ф. Борьба партийных организаций за коллективизацию сельского хозяйства Амурской области (1927–1934 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1966. 28 с.; Шишко Н.П. Борьба дальневосточной краевой партийной организации за победу линии партии на сплошную коллективизацию и укрепление колхозного строя (1929–1932 гг.) // Ученые записки Дальневосточного государственного университета. 1965. Т. 7, ч. 1. С. 82–96.
2. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. М., 1994. 285 с.; Зеленин И.Е. Крестьянство и власть в СССР после «революции сверху» // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 14–31; Кудюкина М.М. Крестьянство и власть во второй половине 20-х годов // Власть и общество России. XX век: сборник научных трудов. М.; Тамбов, 1999. С. 271–280; Косачев В.Г. Накануне коллективизации. Поездка И.В. Сталина в Сибирь // Вопросы истории, 1998. № 5. С. 101–105; Файн Л.Е. Советская кооперация в тисках командно-административной системы (20-е годы) // Вопросы истории, 1994. № 9. С. 35–46; Щагин Э.М. Альтернативы «революции сверху» в советской деревне конца 20-х годов: суждения и реальность // Власть и общество России. XX век: сборник научных трудов. М.; Тамбов, 1999. С. 280–289.
3. Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. N. Y., 1999. 304 p.; Kuhr-Korolev S. «Gezähmte Helden». Die Formierung der Sowjetjugend 1917–1932. Essen, 2005. 365 s.; Viola L. Peasant Rebels under Stalin Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford, 1999. 325 p.
4. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление и результаты. М., 2006. 318 с.; Ипполитов В.А., Слезин А.А. Апогей коллективизации: роль комсомола // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 64–69; Панарин А.А., Стецура Ю.А. Молодежь в переустройстве сельского хозяйства в СССР на рубеже 20–30-х годов XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 56–62.
5. Андриец У.М. Комсомольские организации как политический ресурс в коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока // Россия и АТР. 2016. № 1 (91). С. 250–260; Ермизина Е.М. Амурское крестьянство в период коллективизации (1929–1937 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2001. 30 с.; Исаев А.А. Реакция дальневосточного крестьянства на проведение коллективизации в начале 1930-х гг. // Россия и АТР. 2018. № 3 (101). С. 111–127; Караман В.Н. Политические репрессии против дальневосточного крестьянства в 30-е годы XX в. // Россия и АТР. 2001. № 1. С. 55–64; Проскура Л.И. Деревня российский Дальнего Востока в 20–30-е гг. XX в.: сталинская коллективизация // Дальний Восток России: проблемы социально-политического и культурного развития во второй половине XIX – XX в. Владивосток, 2004. Т. XIII. С. 82–95.
6. См.: Калинина В.Н. Указ соч. С. 176–177; Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв. (Очерки истории) / под ред. А.И. Крушанова. Владивосток, 1991. С. 184–186.

7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 311. Л. 104.
8. ГАПК. Ф. П-47. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 2, 4 ; Там же. Ф. П-49. Оп. 1. Д. 5. Л. 27; Там же. Ф. П-51. Оп. 1. Д. 4. Л. 5, 6, 13 ; Там же. Д. 2. Л. 10.
9. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 573. Л. 21.
10. Там же. Д. 123. Л. 3.
11. Там же. Д. 233. Л. 28, 29.
12. Там же. Л. 35, 38.
13. Там же. Л. 32, 37, 38.
14. Там же. Л. 96 (об).
15. ГАХК. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 59. Л. 59.
16. Там же. Д. 60. Л. 7.
17. Там же. Д. 82. Л. 16.
18. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 129. Л. 14.
19. Дальневосточное статистическое обозрение. Хабаровск; Благовещенск, 1929. № 7-8 (57). С. 53.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 263. Л. 357.
21. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 233. Л. 126, 127.
22. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939 гг. Документы и материалы : в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000–2005. Т. 2. 1923–1929 гг. М., 2000. С. 494–495, 536, 543, 546, 637.
23. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 5. Д. 9. Л. 142, 142в.
24. Советская деревня ... С. 636.
25. Косачев В.Г. Накануне коллективизации. Поездка И.В. Сталина в Сибирь // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 101.
26. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 5. Д. 9. Л. 24.
27. Советская деревня ... С. 599.
28. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1671. Л. 69.
29. Проскурина Л.И. Указ. соч. С. 83–84.
30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 307. Л. 46 ; Советская деревня ... С. 876, 881.
31. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1671. Л. 3, 5.

Редактор, переводчик: Сергейчик Людмила Ивановна